

*Посвящается Ирине Зюзиной,
первому человеку, назвавшему
меня писателем.*

Глава 1

Матвей надеялся проспать весь полёт, но никак не мог уснуть — то и дело ворочался в кресле, пытаясь поудобнее пристроить чересчур длинные ноги. Наконец он закрыл глаза и стал медленно считать про себя по-английски. Дошёл до сотни. До двух сотен. Сбился. Вновь открыл глаза.

Парень на соседнем месте вырубился, едва самолёт набрал высоту. Матвей слушал посапывающее дыхание незнакомца и лишь завидовал его безмятежному сну.

Экран, встроенный во впереди стоящее кресло, предлагал пёструю подборку фильмов. Ни один не вызвал у Матвея интереса. Он включил какую-то комедию, едва взглянув на название, но выключил, не досмотрев и до середины.

Его раздражало место возле прохода. Раздражало, что выпитый в аэропорту джин не превратился в снотворное. Раздражало, что полёт из Нью-Йорка в Москву длится одиннадцать часов.

Раздражали мысли, спутанные, как поражённые мальформацией сосуды.

Матвей не верил, что летит домой. Решился внезапно, забронировав билет прямо на дежурстве, ещё до того, как договорился с шефом об отпуске. Коллеги решили, что у него что-то случилось. Случилось, да. Но что?

Стюардесса в тёмно-синей форме улыбнулась, проходя мимо. Матвей машинально улыбнулся в ответ, даже не заметив, насколько она привлекательна.

Напряжённо, словно его потянули за волосы, занял затылок. Матвей выпил воды и заставил себя расслабиться. Коснулся головой спинки кресла, снова закрыл глаза и представил себя в кабине пилота. Он понятия не имел, как управлять самолётом, и просто фантазировал, отрывочно припоминая фрагменты из фильмов о лётчиках. Вот он кладёт руки на штурвал, и приборы вокруг загораются зелёно-красными огоньками. В разделённом надвое лобовом стекле виднеется небо изнутри.

Многие мальчики в детстве хотят стать пилотами. Матвей никогда не думал об этом. А зря. Ему нравилось тихое ощу-

щение полёта. И лётная униформа сидела бы на нём не хуже белого халата.

Одиннадцать часов за штурвалом или одиннадцать часов в операционной?

Он с детства знал, что будет врачом. В девять лет Матвей думал, что врач — герой, способный вылечить любого чудотворными пилюлями и волшебными хирургическими инструментами. В двадцать девять же окончательно убедился, что медицина — это не всегда жизнь. Это ещё и страх, боль и смерть, которые часто оказываются сильнее врача.

Матвей даже не помнил момента, когда разбилась его детская мечта. Это произошло естественно и как-то само собой. Но если бы сейчас ему предложили начать всё заново, он подал бы документы в тот же медицинский университет. Без белого халата нет и его самого.

Значит, *высокое звание врача** стоило того, чтобы пренебречь собственной жизнью?

Самолёт скользил, рассекая упрямым носом облака. Вместе с ним заскользили мысли Матвея. И вдруг — едва ощутимый толчок. Что это? Воздушная яма? Будто катетер, блуждающий по артерии на подступах к мозгу, упёрся в стенку сосуда. Весь самолёт внезапно уменьшился до размеров кончика этого катетера и в потоке крови двинулся вверх по позвоночной артерии к базилярной и дальше — к средней церебральной.

Мысли стали расплываться, растягиваться и переплетаться, и Матвей не заметил, как уснул.

Просыпался несколько раз, но окончательно — перед самым приземлением. В голове гудели отголоски самолётных двигателей, пока Матвей, зевая, ждал свой огромный чемодан и гитару в зале выдачи багажа.

Ночь слишком затянулась. Самолёт вылетел в шесть вечера, летел почти половину суток, а приземлился в час ночи. Организм обманывал Матвея предчувствием розовых утренних лучей, но из стеклянных дверей терминала он вышел в холодную октябрьскую темноту.

Матвей никого не просил встретить его в аэропорту. Он шёл к стоянке такси, слушая стук колёсиков чемодана по тротуарной плитке. Осенний воздух остудил голову, поборол сонливую усталость.

Назвав водителю адрес, Матвей впервые задумался, нет ли у него теперь американского акцента. Пять лет он оттачивал свой английский, заставлял себя даже думать на нём, чтобы овладеть как родным языком.

* Из клятвы российского врача. (Прим. автора).

За окном автомобиля плыла Москва — немного забытая, но в то же время знакомая с самого детства. Матвея захлестнуло ощущение, что всё это уже происходило. Что он уже был здесь, уже проживал эту поездку в такси, видел бело-жёлтые огни вдоль шоссе, вывески магазинов, глянцевые листья деревьев на бульварах. Он словно смотрел сон, повторяющийся ночь за ночью. Вот только никак не мог вспомнить, что же будет дальше.

Ночная Москва была совсем иной. Днём она напускала на себя парадный вид — блистала куполами, роскошью витрин на Тверской, оживлённым гулом Старого Арбата. А ночью, подсвеченная мягким уличным освещением, она, как молчаливый друг, готова выслушать тебя на кухне с сигаретой в руке.

Доехали быстро. Матвей вышел из такси и полминуты рассматривал семнадцатизэтажную громаду дома. Когда он жил здесь, редко поднимал глаза на бесчисленные окна и балконы. А ведь в некоторых даже сейчас горел свет.

У порога квартиры он старался не шуметь, но каждое бряцание ключей эхом разносилось по подъезду. Пальцы давно отвыкли от ключа родного дома, его формы и веса.

— Наконец-то! — воскликнула мама и кинулась обнимать Матвея, едва он вкатил в квартиру чемодан. — Мы заждались! Всё-таки надо было отцу тебя встретить. Господи, ты и гитару с собой приволок! На две недели мог бы оставить её там, ничего бы не случилось.

От мамы даже дома пахло духами. Она поцеловала Матвея и тут же стёрла ладонью след от помады, царапнув его по щеке массивным кольцом в виде раскрытой розы.

— Гитара не помешает, — сказал отец, с улыбкой пожимая Матвею руку. — Будешь играть для нас по вечерам.

Он хлопнул сына по плечу. Тонкая золотистая оправа очков блеснула, когда он поднял подбородок, чтобы взглянуть Матвею в глаза. Зачёсанные назад, немного пушащиеся волосы на висках заметно поседели.

— Я привёз её в подарок, — сказал Матвей и, пока не начались расспросы, добавил: — А вы что не спите? Поздно уже.

Он снял с плеча обитый поролоном кейс с гитарой, бережно прислонил его к стене и стал расстегивать пальто.

— Успеем выспаться, — сказал отец. — Три месяца тебя не видели! Ведь три, Верушка?

— Три! И за ту неделю, что мы у тебя гостили, ты был дома, дай бог, дня два.

— Да ладно вам, — улыбнулся Матвей. — Я же вчера звонил.

— Что нам твои звонки! — отмахнулась мама. — Тебя всё равно невозможно выцепить больше, чем на десять минут. Мой руки и иди к столу! Или я зря полдня стояла у плиты?

В квартире всё было новым. Песочные, коричневые, светло-серые оттенки, яркие детали, массивные люстры, зеркала в нелепых рамах. Мама постоянно присылала Матвею фотографии того, как идёт ремонт, и восторгалась тем, какая теперь плитка на кухне, пол в гостиной, бра в прихожей.

Матвей восторга не разделял. Ему ещё тогда всё показалось каким-то чужим. Сейчас же, очутившись среди этого буйства дизайнерских идей, он вовсе чувствовал себя остановившимся в отеле. Или пришедшим в музей, где старинную обстановку попытались заменить дорогой лжеклассической мебелью.

Будьте любезны ничего не трогать руками.

Он особо не разглядывал прихожую и коридор, но увидев, как изменилась ванная, забеспокоился, не добрались ли ухоженные мамыны ручки до его комнаты и не превратили ли её в роскошный и бестолковый гостиничный номер.

Из прихожей под прямым углом вглубь квартиры уходил коридор. Такой широкий и длинный, что в четырнадцать лет Матвей гонял здесь мяч, пока две недели сидел дома с ветрянкой. Слева двери в ванную и в спальню родителей. Справа — в гардеробную и в комнату Матвея. Дальше коридор, как река, впадал в огромную столовую, практически врезааясь в длинный овальный стол — единственную вещь, которая пережила все мамыны ремонты. Матвей помнил его ещё в их старой квартире. Но сейчас стол был обставлен дюжиной новых тяжелых стульев с бархатной обивкой цвета фиолетового тюльпана. Кухню отделяла от столовой лишь линия на полу, где паркет сменялся мраморной плиткой. Полностью новый гарнитур цвета слоновой кости славился какими-то специальными доводчиками на дверцах, которыми мама жутко гордилась. Почти у самой разделительной полосы возвышался остров с двумя стульями на длинных, как для бара, ножках.

С другой стороны к столовой — также без дверей и стен — примыкала гостиная. Новый огромный диван напротив нового огромного телевизора. Новые застеклённые шкафы для мамыных антикварных безделушек. Новые кресла и новый журнальный столик с зеркально блестящей поверхностью. И всё это на фоне обновлённых стен, полов и, насколько мог судить Матвей, даже потолка.

— Как тебе? — спросила мама. В глазах её отражался блеск хрустальных бокалов. — Правда, пока не все готово. Я хочу поменять ещё кое-что. Шторы, светильники, может, картины.

— Вживую выглядит шикарнее, чем на фотках.

Мама улыбнулась. Это она и хотела услышать.

Папа молча прошагал к своему месту за столом. Интересно, в какую сумму вылились ему мамыны причуды?

Стол уже был накрыт. В Штатах о домашней еде Матвей вспоминал с особой грустью. Вечно пустой холостяцкий холодильник, перекусы на бегу и остывший кофе доводили его до отчаяния.

Мама приготовила отбивные, несколько салатов и любимое блюдо Матвея — жаренную с луком картошку. Сколько он сам ни пытался приготовить её — никогда не получалось так же вкусно.

На большом блюде лежали ещё горячие пирожки с красивым швом посередине, пахнущие детством. Мама всегда пекла их с тремя начинками: мясной, картофельной и вишнёвой. Матвей любил только такие.

— Михалевич от тебя в восторге, а это большая редкость! — сказал отец, едва Матвей успел съесть отбивную. — Когда мы учились, он был отличником и считал, что все остальные бездари, а только он один чего-то стоит. Прямо высказывать не решался, но в разговоре всегда было понятно, какого он о тебе мнения. А возможно, Михалевич и был прав. Дальше всех ведь забрался! Остальные мои однокурсники кто где, а только он за океан смог пробиться.

— Он и вправду искусный хирург, — произнёс Матвей и потёр пальцами вилку, не торопясь накалывать на неё золотистую картофельную соломку, остывающую на тарелке.

— То-то! Но мне куда важнее другое. Раз ты ему нравишься, он ни за что тебя от себя не отпустит. Видишь, в Бостон перебрался и сразу тебе местечко нашёл у себя под боком. Считай, ты там уже зацепился, теперь только потихоньку вверх ползти.

Матвей отложил вилку и взглянул на маму. Она сидела, коснувшись лопатками спинки стула, и смотрела куда-то на окно, подняв острый подбородок. Может, решала, какие купить шторы.

Она родила Матвея в девятнадцать, и с того дня время потеряла власть над ней. Она менялась, но нельзя было сказать *старе-ла*. Изящества и женственности в ней меньше не становилось. Да и девчачьей вредности, капризов и упрямства тоже.

— Я не уверен, что хочу ехать в Бостон, — честно признался Матвей. — В моей больнице согласны оставить меня после ординатуры. Я взял отпуск, чтобы подумать.

— Твоя больница по сравнению с той клиникой — перевязочный пункт, — возразил отец, всем своим видом показывая, что тут и думать нечего. — Я понимаю, в Филадельфии уже слаженный коллектив, определённая репутация — на новом месте придётся заново показывать себя. Но, если хочешь стать выдающимся нейрохирургом, тебе нужно соответствующее учреждение, где ты сможешь заниматься наукой, а не только дыры в черепе сверлить. Как, кстати, твои статьи? Написал ещё что-нибудь?

Матвей сделал глоток вина и пожалел, что не может задержать его во рту до конца ужина.

— Нет. Только те три, что ты уже читал.

— Когда ему писать, Саш? — поморщилась мама так, словно вино было кислым. — Он ведь целыми днями пропадает в больнице. Даже девушку себе за пять лет не нашёл!

Матвей вздохнул, посмотрев на глянцевый потолок, в котором отражалась блестящая торжественность семейного ужина.

— Надо заниматься наукой, это только в плюс будет! — гнул своё отец. — У тебя сейчас как раз отпуск. Так и займись! А я тебе помогу. Выбирай тему. Вместе мы такую статью напишем, что!..

— Давай только не сегодня, — прервал Матвей, боясь, как бы отец не притащил за стол ноутбук. — И вообще, мне ближе практика.

— Практика всем ближе. Но для неё хватит простого умения, а вот наука...

— Да что ты к нему пристал! — вдруг крикнула мама. — Сын только с самолёта. Дай ему отдохнуть! Никуда твои статьи не денутся!

Папа рассеянно заморгал, взял свою чашку с чаем — он не пил спиртного — и проговорил под маминым упрекающим взглядом:

— Да. Потом потолкуем.

Матвей готов был расхохотаться, но сдержался.

— Уже почти три, — примирительно сказал он. — Я хочу прилечь. У тебя завтра выходной, пап?

— У твоего отца не бывает выходных, — сказала мама прежде, чем папа успел открыть рот.

— А как ты хочешь, Верушка? — улыбнулся отец. — Вся больница на мне.

Мама вздохнула.

— И правда, пора спать. Завтра к нам придут гости.

— Гости? — удивился Матвей.

Он взглянул на отца и по тому, как задвигались очки у него на носу, понял, что для папы это тоже неожиданность.

— Да, — невозмутимо ответила мама. — Я позвала на ужин твоих друзей по институту.

— Это ещё зачем? — спросил Матвей.

— Пусть полюбуются на тебя воочию. Когда теперь у них будет такая возможность?

Матвей посмотрел на маму, стиснув зубы. Её сюрпризы часто приходились не к месту.

— У меня уже есть планы на завтра, — сказал он.

— Так отмени. — Мама пожала плечами, описала бокалом полукруг в воздухе и, глотнув вина, добавила: — Или перенеси. А может, ты и успеешь. Ребята придут к пяти.

Матвей не стал спорить — бесполезно. Залпом допил своё вино и поднялся.

— Пойду к себе. Спокойной ночи.

Уже входя в комнату, он вспомнил, что чемодан остался в прихожей. Пошёл за ним и на стене в коридоре заметил новую картину. Она была большой, светлой и странной. Сливающиеся в вертикальные и горизонтальные полосы, бело-серые, точно заснеженные, стволы берёз. Просто стволы, без листвы, без земли. Как на обрезанной фотографии.

Матвей не стал искать в ней смысла. Утром посмотрит свежим взглядом, может, что и увидит.

— Ты привёз все свои вещи? — улыбнулась мама, когда он прикатил в комнату здоровущий чемодан и оставил его у изножья кровати.

— Не нашёл сумки поменьше.

— Так купил бы.

— Сначала как-то не подумал, а потом уже поздно было бегать по магазинам.

Мама закивала головой — *знаю-знаю* — и подошла ближе.

— Мы ничего здесь не трогали, — сказала она. — Как ты и просил.

Матвей окинул взглядом свою комнату и вмиг успокоился. Всё в ней осталось прежним и на прежних местах. Большая кровать, накрытая синим покрывалом, тяжёлые серые шторы. Письменный стол с чёрной тонконогой лампой и небольшим круглым креслом. Напротив кровати стеллажи с книгами и тёмно-серый шкаф для одежды. Ближе к двери, под самым потолком, — турник. Матвей прикинул, сколько раз смог бы теперь подтянуться.

— Да, — сказал он. — Спасибо.

— Хотя здесь стоило бы обновить мебель, — намекнула мама.

— Нет, — ответил Матвей, а потом улыбнулся, сглаживая свою категоричность. — Меня всё устраивает.

— Тут слишком мрачно, — тон мамы становился настойчивее. — И слишком просто. Посмотри, как здорово стало в других комнатах. Почему ты не хочешь и здесь что-нибудь поменять?

— Просто не хочу.

— Не понимаю, что ты так цепляешься за эту серость? Почему это вообще так важно? Ты здесь пять лет не был и неизвестно, когда приедешь в следующий раз.

— Ну и что? Это ведь моя комната. Пусть здесь всё будет так, как нравится мне.

Матвей почувствовал, что чего-то не хватает. Сначала почувствовал, а потом и заметил, подойдя к письменному столу.

— А куда делись фотографии? — спросил он будто между прочим.

Без нескольких глянцевого бумажек с улыбающимися влюблёнными комната казалась пустой до эха.

— Я думала, они уже не нужны, — ответила мама и добавила с особой деликатностью: — Ведь не нужны?

Пальцы Матвея коснулись того места, где раньше стояли серебристые рамки. Мама тщательно вытерла пыль. На поверхности стола проступил лишь запотевший след от тёплой кожи, который тут же исчез.

— Да, — сказал Матвей. — Не нужны.

— Уже поздно, — негромко произнесла мама. — Пора ложиться.

Матвей опомнился, обернулся.

— Спокойной ночи!

Шагнул к ней и торопливо коснулся губами её щеки.

Но мама уходить не спешила. Дотронувшись до руки Матвея, взгляделась снизу вверх в его лицо.

— Какой ты стал красивый, — сказала она и провела ладонью по его голове. — И высокий. Твой дед тоже был высоким, но ты даже выше. Сейчас ты очень на него похож... И волосы чёрные. Прямо басменные.

Матвей улыбнулся.

— У тебя такие же волосы, мам.

— Так я их крашу, а у тебя свои. — Взгляд мамы пробежал по его лицу, задержался на глазах и стал задумчивым. — Не верится, что тебе уже двадцать девять лет. Совсем взрослый мужчина.

Матвей поймал мамину руку, поднёс к губам, поцеловал и потёр большим пальцем место поцелуя.

— Ты не выглядишь как мать совсем взрослого мужчины.

Мама, моргнув, вздёрнула подбородок и откинула с плеча волосы.

— Да? А как я выгляжу?

— Как моя сестра.

Невидимым лучом по её лицу проскользнула довольная улыбка и зажгла гордым блеском взгляд. Мама прекрасно знала о своей красоте, но никогда не отказывалась лишний раз услышать комплимент.

Она склонила голову набок и, глядя Матвеем в глаза, спросила:

— Ты хочешь увидеть Алику?

Вопрос застыл в воздухе.

В Штатах Матвей редко говорил об Алике. Мог вставить в отвлечённой беседе что-то вроде: *одна моя знакомая любила мороженное с карамелью, но терпеть не могла шоколадное, или одна моя знакомая могла всего лишь раз услышать мелодию и тут же сыграть её на пианино.*

Матвей даже почти поверил, что выдумал её. Но произнесённое вслух имя убедило его — он не сошёл с ума. Память

тут же возродила из сумрачной глубины лучшее, что сохранила за всю жизнь — окутанный искрящимся светом образ.

Месяц её рождения — май — подарил свою зелень её глазам. Они на всё смотрят вдумчиво и чуть-чуть исподлобья. Не со страхом, нет. С интересом, здравым недоверием и тонкой обольстительной дерзостью. Она улыбается сдержанно, не выдавая того, что у неё на уме. Зато, если смеётся, то громко и открыто, совсем не стесняясь, и, кажется, всё пространство вокруг неё становится живым, бегущим и искрящимся, как ручей, пока звучит её смех. Тяжёлые тёмно-рыжие волосы ловят и прячут в своих изгибах солнечные блики. Нет приятнее ощущения, чем пропускать их сквозь пальцы, а одну прядь, зацепив у кончиков, наматывать на указательный.

— Не знаю, — сказал Матвей.

Но мама могла определить ложь, как опытный хирург только лишь по снимку — злокачественную опухоль.

Она пристально посмотрела на Матвея. Он отвёл глаза к книжным полкам.

На одной из них сидел плюшевый барбос, увешанный медалями за соревнования по рукопашному бою. В детстве это была любимая игрушка Матвея.

— Столько времени прошло, — сказала мама. — Пора перестать думать о ней.

— Я и не думаю! — слишком быстро ответил Матвей.

Вздыхнул, отошёл к кровати и опустился на стёганое, в квадратах, покрывало.

— А если бы и думал. Что плохого в том, что мы с ней встретимся? Как старые знакомые. Как друзья.

— Друзья? — усмехнулась мама. — Друзьями вам уже не стать.

— Мы всегда были в первую очередь друзьями.

Но вспомнив, что их связывало, кроме дружбы, Матвей на мгновение перестал дышать.

Мама подошла к нему, села рядом.

— Тебе незачем её видеть. Хотела бы Алика с тобой поговорить, она бы это сделала. А она просто сбежала. Исчезла, будто и не было!

— Если подумать, выходит, что сбежал я. Ведь это я уехал, а не она.

Глаза мамы вспыхнули. Слова Матвея не просто задели — оскорбили её. Она неровно вдохнула, готовясь сыпать хлесткими упреками, но тут же, закусив губу, одёрнула себя. Стараясь не уронить воображаемую вазу на голове, напомнила:

— Ты уехал учиться.

— И оставил её.

— Оставил ненадолго. Чтобы стать врачом. А она тебя бросила!

Мама всё-таки не выдержала и отвернулась. Нащупав на пальце кольцо с розой, стала крутить его туда-сюда.

— Алика никогда ни с кем не считалась. Жила только своим умом. Решила, что вы должны расстаться, и испарилась, едва взлетел твой самолёт. А ведь ты уезжал на стажировку всего на год. Это потом уже тебе дали место в ординатуре... А вначале получалось всё равно, как если бы ты в армию пошёл. И что? Стала она тебя ждать? А ты как последний дурак ещё и оправдываешь её.

— Я не оправдываю. Просто знаю, что она сделала это ради меня. Понимаешь?

— Нет.

Матвей посмотрел на мамины руки, теребящие серебряную розу. Длинные, жёсткие пальцы. Заострённые ногти покрашены красным. А кожа на тыльной стороне ладоней вся в мелких чёрточках морщин.

Ему было сложно говорить с мамой об Алике. Все пять лет родители не вспоминали о ней, словно в жизни их сына не было этой девушки. Но сейчас Матвей чувствовал, что должен объясниться.

— Она видела, что я колеблюсь, что готов отказаться от стажировки. Знала, как тяжело продолжать отношения на расстоянии. Возможно, решила, что я на такое неспособен. В общем-то, она поступила благородно.

Мама посмотрела на сына, скептически сдвинув угловатые брови.

— Ты сам всё это выдумал, — сказала она. — А что, если у неё просто появился другой, и она осталась с ним?

Матвей мотнул головой.

— Нет. Алика бы мне не изменила.

— Господи, какой ты наивный! В твои годы пора бы начать хоть немного разбираться в жизни.

— Наивный или нет, но в Алике я уверен. Она никогда мне не ввела. И не простила бы, если бы я ей соврал.

— Да откуда ты знаешь, что было у неё в голове? Может быть, она просто не хотела тебя ждать, нашла себе кого-нибудь, а признаться побоялась. Ты же за неё был готов любого растерзать. Это явно ничем хорошим не кончилось бы. А так ты уехал — и она...

— Нет, мам! Это бред, — оборвал её Матвей. — Да и Алика смелая до безрассудства. Она бы призналась. Нет. Никого у неё не было.

— Матвей, ты всё идеализируешь. Вот, что я скажу. — Мама крепко взяла его за запястья, будто этим могла удержать от губительной иллюзии. — Вам выпало испытание. Вы его не прошли.

Такое бывает гораздо чаще, чем ты думаешь. Не все сильные чувства оказываются настоящей любовью. Смирись. Оставь в прошлом. Живи дальше, я очень тебя прошу!

